

26. Восток как исторический тип культуры.

Восточные культуры в отличие от западных значительно более дифференцированы и разнообразны в расово-этническом, религиозном, экономическом и социально-политическом отношениях. Восток в качестве топологической координаты культуры нуждается как минимум в аналитическом соотношении с религиозным фактором, благодаря чему становится возможным определить историко-культурные регионы, каждый из которых обладает своей собственной социокультурной идентичностью. Первоначально следует выделить относительно автономные цивилизационные очаги — Индию (Южно-Азиатский субконтинент), Китай (Дальний Восток) и исламский Ближний восток, откуда религии и культурные традиции распространились на сопредельные территории.

Целостность Южно-Азиатского историко-культурного региона обусловлена господствующей ролью индуизма. Для Дальневосточного региона такую роль первоначально выполняло конфуцианство. Из Южной Азии на Дальний Восток пришла первая в истории мировая религия — буддизм. Но в Китае, именовавшем себя Серединой государством, буддизм был принят как «западное» учение, ибо в пространственно-географическом отношении Индия ассоциировалась для китайцев с Западом. Благодаря распространению буддизма в Китае и его институциональному оформлению Дальневосточный историко-культурный регион обрел конфуцианско-буддийскую идентичность.

Юго-Восточная Азия, куда активно проникали индийская (буддийская и частично — вместе с переселенцами — индуистская) и китайская культуры, исторически представляла собой контактную зону — место встречи и диалога религиозных традиций, местных этнических и привнесенных культур. В настоящее время динамично развивающиеся страны Юго-Восточной Азии (Таиланд, Бирма, Вьетнам и др.) идентифицируют себя с буддийской культурой.

В Восточную Азию (Корею и Японию) буддизм пришел из Китая, причем в Корее наряду с буддийской традицией утвердилось конфуцианство и даосизм — китайская национальная религия, а в Японии продолжает функционировать и автохтонная религия синто.

Весьма широко распространился на Востоке и ислам в своих суннитской и шиитской разновидностях. Он утвердился в Турции и Иране, среди народов Средней Азии — таджиков, узбеков, киргизов и казахов, в Афганистане и Пакистане и на многих других территориях. В одних странах ислам получил статус государственной идеологии, в других институционально оформился в качестве религиозной традиции, т. е. вероисповедания определенной группы населения.

Из сказанного следует, что в силу значительной религиозной дифференцированности невозможно добиться более или менее отчетливо структурирования парадигмы «Восток». Сравнивая Восток с Западом, скорее допустимо говорить о том, какие характеристики западных культур не применимы к восточным. В противном случае мы оказываемся в плену ошибочных суждений, не находящих никакого соответствия в реальности.

27-28. Специфика русской культуры. Основные этапы исторической динамики русской культуры.

Вековое существование России в религиозном противостоянии языческому Востоку и католическому Западу не прошло даром. Окруженный со всех сторон «иноверцами», русский народ (в отличие от западноевропейских, не испытавших этого) выработал ощущение своей единственности, уникальности, исключительной несхожести с другими народами. Наложившись на это ощущение, мессианские идеи оформили русский патриотизм как культурный феномен, который не исчерпывается «любовью к отеческим гробам», но предполагает особую историческую судьбу России, особые отношения ее со всем человечеством и обязанности перед ним. Таким образом, патриотизм наряду со своим «внутренним» содержанием приобретает еще и «внешнее» дополнение. Нетрудно понять, что это подготовило культурную почву, на которой произошло быстрое распространение в российском обществе марксистских представлений о великой исторической миссии России, которой суждено после Октябрьской революции возглавить движение всего человечества к коммунизму.

«Советский патриотизм», включающий в себя гордость за свою державу как «маяк человечества», явился прямым наследником русского патриотизма. «Братская помощь» Советского Союза другим странам представлялась нелегким, но почетным бременем — выполнением обязательств, выпавших на долю нашей страны вследствие ее исключительной роли в истории человечества. Традиционные установки русской культуры сложились в условиях доиндустриального общества. Переход страны к индустриальному развитию в некоторой степени поколебал, но не разрушил их. При социализме они даже окрепли: специфика индустриального общества, построенного на социалистических началах, состояла в том, что оно реставрировало определенные черты феодально-крепостнической организации социальных отношений, и советская идеология охотно поддерживала соответствовавшие этой организации культурные традиции. Крушение социализма стало тяжелым испытанием для культуры. Дело не только в связанном с ним катастрофическом падении государственной финансово-материальной поддержки учреждений культуры, образования и науки — переход к рыночной экономике потребовал существенных изменений в самой системе культурных норм, ценностей и идеалов. Индустриальное общество, а тем более постиндустриальное, к которому России предстоит двигаться, стремится сбросить с себя груз устаревших, доиндустриальных установок.

Культура любого народа содержит в себе какие-то парадоксы, плохо поддающиеся объяснению даже для самих ее носителей, а тем более для посторонних наблюдателей.

Культуру же восточных народов людям западной культуры понять особенно сложно. А Россия — страна, лежащая на стыке Запада и Востока. Н.А. Бердяев писал: «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира». Иностранцев к тому же еще сбивает с толку то, что восточное начало в русской культуре не имеет ясно выраженных очертаний и окутано оболочкой западной культурной традиции. Автор одной из популярных на Западе книг о России американский журналист Г. Смит отмечает: «Российская жизнь не предлагает никакой видимой туристской экзотики — женщин в сари или кимоно, фигур Будды в храмах, верблюдов в пустыне, — чтобы напомнить чужеземцу, что здесь иная культура». Несомненно, географическое положение России, родившейся в Восточной Европе и охватившей просторы слабозаселенной Северной Азии, наложило особый отпечаток на ее культуру. Однако отличие русской культуры от западноевропейской обусловлено не «восточным духом», который будто бы «от природы» свойствен русскому народу, как утверждают некоторые авторы.

Монгольское нашествие глубоко врезалось в память русского народа. И не потому, что он воспринял какие-то элементы культуры завоевателей (непосредственное воздействие ее на культуру Руси было невелико и сказалось главным образом лишь на языке, вобравшем в себя некоторое количество тюркских слов, да на отдельных деталях быта). Нашествие было суровым историческим уроком, показавшим народу опасность внутренних раздоров и необходимость единой, сильной государственной власти, а успешное завершение борьбы с полчищами врагов дало ему ощущение собственной силы и национальной гордости. Этот урок возбудил и развил чувства и настроения, которыми пронизаны фольклор, литература, искусство русского народа: патриотизм, недоверчивое отношение к чужеземным государствам, любовь к «царю-батюшке» — крестьянская масса, составлявшая основное население России, видела в царе своего защитника и потому постоянно поддерживала его и в войнах с внешними врагами, и в борьбе с самовольными боярами. «Восточный» деспотизм царского самодержавия — в определенной мере наследие монгольского ига.

Большую роль в развитии самосознания русского народа сыграла православная церковь. Приняв христианство, князь Владимир совершил великий исторический выбор, определивший историческую судьбу Российского государства, да и не только его, а, можно сказать, всей мировой истории. Этот выбор, во-первых, был шагом к Западу, к цивилизации европейского типа. Он отделил Русь от Востока и от тех вариантов культурной эволюции, которые связаны с буддизмом, индуизмом, мусульманством. Сейчас можно только фантазировать о том, какими стали бы русский народ и его культура, как сложилась бы история Европы и Азии, если бы Владимир поступил иначе. Но очевидно, что сегодня мы жили бы в мире, очень непохожем на нынешний. Во-вторых, выбор христианства в его православной, греко-византийской форме позволил Руси остаться независимой от духовно-религиозной власти римского папства. Благодаря этому Русь оказалась в противостоянии не только с восточно-азиатским миром, но и с католической Западной Европой.

Политический подъем Руси, прерванный монгольским нашествием, возобновился с возвышением и развитием Московского княжества. Падение Византии в XV в. сделало его единственным независимым православным государством в мире. Великого князя Московского Ивана III стали считать как бы преемником византийского императора, почитавшегося главой всего православного Востока. Подчеркивая это, его называли «царем» — это слово происходит от римского *caesar* — кесарь или цесарь (на старославянском писалось: цьсарь). А на рубеже XV—XVI вв. родилась гордая теория, объявлявшая Москву «третьим Римом». В послании к царю Василию III инок Филофей писал: «Един ты во всей поднебесной христианам царь... Яко два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти, — уже твое христианское царство иным не останется». Так в конце XV в. была сформулирована национально-государственная идеология, на многие столетия вперед драматически определившая ход российской истории.

После крушения Византийской империи молодое русское православное государство оказалось со всех сторон окруженным странами с иной верой. В этих исторических условиях православие выступало как идейная сила, способствовавшая сплочению русских княжеств и укреплению единой централизованной державы. Понятия «православное» и «русское» отождествлялись. Любая война с другой страной становилась войной с иноверцами, войной за святыни — «за веру, царя и отечество». Известна роль, которую сыграла православная церковь в борьбе с Золотой Ордой, с польской интервенцией во время Великой Смуты. Но вместе с тем православие являлось фактором, обособлявшим русский народ от других народов Европы и Азии. Противостояние его католицизму препятствовало культурным контактам с Западной Европой. Все культурные веяния, шедшие оттуда, представлялись чем-то «порченным», не соответствовавшим истинной вере, а потому они осуждались и отвергались. Это оставляло Россию в стороне от развития западноевропейской культуры. А в одиночку, да еще после культурных разрушений, нанесенных монгольским завоеванием, она не могла вновь подняться на уровень, достигнутый к тому времени западной культурой. Так, культурный разрыв с Западом вел к культурной отсталости от него средневековой Рос-; сии, особенно в научном и техническом отношении. Этой отсталости содействовала и присущая православию приверженность к сохранению сложившихся издавна традиций, выражавшаяся в неприятии «новой учености».

Петр I сделал выбор и повернул Россию на второй путь. Не будь этого, Россию, скорее всего, постигла бы судьба Индии или Китая. Прорубив «окно в Европу», Петр I положил начало приобщению России к мировой культуре. Россия пришла в движение. Искры, родившиеся от столкновения русской культуры с культурой Западной Европы, пробудили ее богатые потенции, дремавшие под спудом замкнутого и застойного бытия.

Установки русской культуры

Установки, характерные для русской культуры

- Коллективизм
- Бескорыстие, духовность, непрактичность
- Экстремизм, гиперболизм
- Фетишизация государственной власти, убеждение в зависимости от нее всей жизни граждан
- Русский патриотизм

Противоположные установки

- Индивидуализм
- Расчет, утилитаризм, практическая активность
- Умеренность, «теория малых дел»
- Ограничение прав государства, независимость частной жизни от властей
- Космополитизм

29. Культура повседневности.

Культурология повседневности — новое комплексное направление гуманитарного знания, которое начало формироваться примерно с середины 90-х гг. XX в. Однако историческая традиция исследования повседневной жизни отдельными научными дисциплинами гораздо старше.

Одной из наук, имеющих более чем полуторавековой опыт изучения повседневной жизни, является историография. Еще во второй половине XIX — начале XX в. были опубликованы работы А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина, Э. Виолле-ле-Дюка, П. Гиро, Э. Фукса и других, посвященные различным аспектам быта, повседневной жизни. Вопросы, которые волновали ученых этой первой волны интереса к повседневности, можно свести к следующим группам.

1. Макро- и микросреда обитания: природа, город, деревня, жилище (в его обращенности вовне, наружу; и внутреннее пространство, включая интерьер, мебель, утварь, и т. д.).
2. Тело и заботы о его природных и социокультурных функциях: питание, физические упражнения, гигиена, врачевание, костюм.
3. Обряды перехода — рождение (крещение), создание семьи (свадьба), смерть (похороны).
4. Семья, семейные отношения, межличностные отношения в других микросоциальных группах (профессиональных, конфессиональных и др.).
5. Досуг: игры, развлечения, семейные и общественные праздники и обряды.

Для работ этого периода характерны фактографически-описательный подход, повествовательность. При этом исследователи сосредоточивают внимание на внешней, предметно-материальной стороне жизни, на внешнем рисунке действий, на внешнем выражении человеческих чувств, представлений, взаимоотношений, зафиксированных в устоявшихся формах: обычаях, обрядах, ритуалах. Даже при описании нравов, этих

социально предписанных стереотипов поведения, в которых проявляются установки сознания на общепринятость («как все»), исследователей интересуют стереотипы поведения, а не регулирующие их полубессознательные установки массового сознания.

В интервью А. Я. Гуревичу Ж. Ле Гофф определяет задачу историка ментальностей таким образом: ученый

...обращает сугубое внимание на неосознанное, повседневное, на автоматизмы поведения, на внеличностные аспекты индивидуального сознания, на то, что было общим у Цезаря и последнего солдата его легионов, у Св. Людовика и крестьянина, трудившегося в его доменах, у Колумба и матроса на его каравеллах...

Речь идет о неких социально-психологических инвариантных образованиях, которые в социальной психологии известны как стереотипы сознания. Некоторые исследователи говорят и о неявном присутствии в таких ментальных структурах архетипического. В трудах «анналистов» и их последователей (в России, в частности, в работах А. Я. Гуревича) формируется новая, культурологически ориентированная историческая наука, история повседневности как одно из научных направлений.

В 1970-е гг. история повседневности объединяется в единое научное направление с микроисторией. Поворот научного интереса к микроистории, к жизненным судьбам рядовых людей и социальных групп, к их повседневной жизни связывают в Германии с именами Х. Медик и А. Людтке.

Третий этап (1980) характеризуется стремлением к комплексному охвату как материально-предметных, так и ментальных структур повседневности, учету макроисторических и микроисторических событий в их взаимодействии и взаимовлиянии (А. Гуревич, Г. Кнабе, М. Поляковская, А. Чекалова, А. Ястребицкая, Р. ван Дюльмен и др.).

В современных исследованиях анализируются конкретные формы и способы взаимосвязи и взаимодействия быта, повседневности и истории, быта и культуры (Г. Кнабе, Ю. Лотман). Органичным следствием такого видения повседневности стало появление семиотического и эстетического подходов к повседневности. Рассматривая бытовые вещи, костюм, способы времяпрепровождения, формы общения и другие проявления повседневной жизни как знаки, исследователь изучает быт в символическом ключе, получает возможность проникнуть во «внутренние формы культуры» (Г. Кнабе), завязать с исследуемой культурой содержательный диалог

30. Межкультурные коммуникации и диалог культур.

Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале 1920-х гг. Наряду с общенаучным значением — как средство связи любых объектов в какой-либо системе

— он приобрел широкий социокультурный смысл и активно применяется во всех областях человеческой деятельности. «Коммуникация» происходит от лат. communication — сообщение, передача; communicare — делать общим, связывать, беседовать. Данный термин используют и для описания многообразных процессов, связанных с передачей информации, и для констатации присутствия либо отсутствия некой связи между двумя субъектами (системами).

В культурологии коммуникация рассматривается с нескольких позиций и является важнейшим аспектом изучения многих процессов, происходящих в культуре. Коммуникации в культуре, социокультурные коммуникации, внутрикультурные коммуникации, меж культурные коммуникации — все это может быть как темой отдельного разговора, так и предметом обобщающего анализа, целью которого является комплексное и систематическое исследование взаимодействия и взаимовлияния различных субъектов культуры.

Интеграция, ассимиляция, аккультурация

Интеграция (от лат. integration — восполнение, восстановление) обозначает состояние внутренней целостности того или иного культурного образования, а также согласованность между различными ее элементами. Кроме того, под интеграцией часто понимают процессы, результатом которых должна стать такая взаимосогласованность различных субъектов культуры. Различными исследователями интеграция культуры (или интеграция культур) интерпретируется по-разному, в качестве ведущего момента выделяются различные стороны культурной деятельности.

На сегодняшний день в культурологии различают следующие формы как внутрикультурной, так и межкультурной интеграции: — конфигурационная, или Тематическая, интеграция представляет собой интеграцию по сходству. Она имеет место тогда ^ когда различные элементы культуры или различные культуры соответствуют общему паттерну, имеют одну сквозную общую «тему».

— стилистическая интеграция проистекает из эстетического стремления членов группы к аутентичному выражению собственного опыта. Она представляет собой взаимную адаптацию интенсивно ощущаемых элементов опыта, основанную на спонтанном творческом порыве и формирующую специфический «стиль»: стиль эпохи, времени, места, народа, культуры.

— логическая интеграция представляет собой интеграцию культурных элементов или культур на базе логического согласования, приведения в непротиворечивость различных логически-идеологических позиций системы. Она предполагает в идеале отсутствие в восприятии этих элементов их носителями, людьми, «когнитивного диссонанса».

— коннективная интеграция — это интеграция на уровне непосредственной взаимосвязи различных составных частей культуры или различных культур.

Непосредственный контакт людей, налаживание прямых отношений, частое общение по различным вопросам — все это весьма способствует согласованию культурных установок, корректировке взглядов.

— функциональная (адаптивная) интеграция характерна в первую очередь для культур современности. Такая форма интеграции нацелена на повышение функциональной эффективности, прежде всего экономической, отдельного человека и всего культурного сообщества.

— регулятивная интеграция связана со сглаживанием и нейтрализацией культурно-политических конфликтов

Под ассимиляцией в культурологическом знании подразумевают процесс, в результате которого члены одного этнокультурного образования утрачивают свою первоначально существующую культуру и усваивают культуру другого образования, с которым они находятся в непосредственном контакте. За многовековую историю существования человечества не раз случалось так, что в результате межкультурных контактов одни культуры ассимилировались, поглощались другими. Этот процесс может происходить и спонтанно, и как целенаправленное действие, призванное искоренить другую культуру. Поэтому термин «ассимиляция» часто применяется для обозначения особой политики доминирующей этнокультурной группы в отношении этнических или культурных меньшинств, направленной на планомерное подавление их культуры и создание таких социальных условий, при которых участие меньшинств в институциональных структурах доминирующей группы ставится в прямую зависимость от принятия ими ее культурных норм и ценностей.